

СЛИШКОМ МНОГО КЛИЕНТОВ

ГЛАВА 1

Дождавшись, когда мужчина устроится в красном кожаном кресле, я прошел к своему письменному столу, развернулся лицом к посетителю и обратил на него приветливый, но не слишком восторженный взгляд. Отсутствие энтузиазма отчасти объяснялось плохо сшитым костюмом за 39,95 доллара, который явно не мешало бы погладить, и несвежей рубашкой за 3 доллара, хотя дело было не только в дешевой одежде. Нет, с вытянутым худым лицом и высоким лбом мужчины все было нормально, однако он явно не тянул на человека, способного значительно поправить банковский баланс Ниро Вулфа.

А в тот понедельник в начале мая, если вычесть сумму заполненных чеков, которые я отдал на подпись Ниро Вулфу, остаток на нашем счете составлял 14 194 доллара 62 цента. Что выглядело вполне достойно, если бы не одно «но». Если взять еженедельную зарплату Теодора Хорстмана, смотрителя орхидей; Фрица Бреннера, повара и домоправителя; мою, универсального специалиста; счета за продукты питания, включая такие позиции, как свежая икра, которую Вулф иногда смешивал на завтрак с печеными яйцами, и за подкормку для орхидей в оранжерее на крыше старого особняка из бурого песчаника, не говоря уже о новых экземплярах для пополнения коллекции, а также всего прочего, на содержание нашего хозяйства в месяц уходило более пяти штук. А еще через пять недель, к пятнадцатому июня, подоспеет уплата налогов. Итак, если нам не будет светить приличный гонорар, то еще до четвертого июля мне, похоже, придется заглянуть в сейфовую ячейку с заначкой.

Поэтому, услышав звонок в дверь и увидев через одностороннее стекло стоящего на крыльце незнакомого мужчину без чемоданчика с образцами в руках, я распахнул дверь и обратил на посетителя сердечный взгляд.

— Это ведь дом Ниро Вулфа? — спросил он.

Я ответил утвердительно, но сообщил, что мистер Вулф сейчас занят.

— Да, я знаю, что с четырех до шести дня он наверху в оранжерее, — сказал он. — Мне нужен Арчи Гудвин. Вы мистер Гудвин?

Признавшись, что я действительно мистер Гудвин, я поинтересовался, что его ко мне привело. Оказывается, ему нужен был мой профессиональный совет. К этому времени я уже успел оценить внешний вид посетителя и нашел его не слишком многообещающим. Впрочем, мне было без разницы, как убивать время: с ним или в одиночестве, и я провел гостя в кабинет. Кстати, еще одной вещью, свидетельствовавшей не в его пользу, было отсутствие шляпы. Девяносто восемь процентов мужчин, способных выплачивать солидные гонорары, носят шляпы.

Откинувшись на спинку красного кожаного кресла и устремив на меня взгляд умных серых глаз, посетитель сказал:

— Мне, естественно, нужно представиться.

— Если только это имеет отношение к делу.

— Имеет. — Он положил ногу на ногу; верх туфель лишь немного не прикрывал край коротких носков, серых в красную крапинку. — В противном случае мне не было бы нужды сюда приходить. Однако я хотел бы проконсультироваться при условии строжайшей конфиденциальности.

— Само собой, — кивнул я. — Но это кабинет Ниро Вулфа. А я работаю на него. Если вы получите счет, то подписан он будет именно Ниро Вулфом.

— Знаю. — (Похоже, не стоило говорить столь тривиальные вещи человеку с умными серыми глазами.) — Я понимаю, что мне выпишут счет, и собираюсь его оплатить.

— Конечно. Если только ваша совесть не обременена чем-то слишком отягощающим. Типа убийства или государственной измены.

Он улыбнулся:

— Грехи лишь говорят, убийство вопиет. Предательство не принесет награды. Моя совесть не обременена ни тем ни другим. Ни одно из моих преступлений не карается законом. Итак, мистер Гудвин, скажу вам сугубо конфиденциально, что моя фамилия Йегер. Томас Г. Йегер. Возможно, вы уже слышали эту фамилию, хотя я отнюдь не знаменитость. Я живу на Восточной Шестьдесят восьмой улице, дом триста сорок. Я исполнительный вице-президент корпорации «Континентал пластик продактс». Офис располагается в Эмпайр-стейт-билдинг.

Но я даже глазом не моргнул. «Континентал пластик продактс» может быть гигантом, занимающим три этажа, а может быть крошечной фирмочкой, разместившейся в двух комнатах, с единственным телефонным аппаратом на столе вице-президента. В любом случае я знал этот дом на Восточной Шестьдесят восьмой улице, и дом отнюдь не был трущобой. Этот субъект мог носить костюм за 39 долларов 95 центов, потому что ему было глубоко наплевать и он мог позволить себе такую прихоть. Я знаю одного председателя совета директоров корпорации стоимостью миллиард долларов, входящей в два процента крупнейших корпораций Америки, который никогда не чистит туфли и бреется три раза в неделю.

Итак, я достал блокнот и начал записывать. Тем временем Йегер продолжил:

— Номера моего телефона нет в телефонной книге. Числом пять, три-два-три-два. Я специально пришел в отсутствие Вулфа, чтобы увидеться лично с вами. Не вижу смысла все ему объяснять, ведь он в любом случае перепоручит дело вам. Похоже, за мной следят, и мне необходимо в этом удостовериться. А если все именно так, то я хочу выяснить, кто этим занимается.

— Задача для детского сада. — Я швырнул блокнот на стол. — Любое приличное сыскное агентство с удовольствием возьмется за это всего за десять долларов в час. У мистера Вулфа иной подход к вопросам оплаты.

— Я в курсе. Но для меня это не важно, — отмахнулся Йегер. — Но жизненно важно выяснить, установлена ли за мной слежка, причем как можно быстрее. В частности, кто именно этим занимается. Интересно, в каком агентстве, где берут десять долларов в час, я найду такого профессионала, как вы?

— Не в этом дело. Даже если я и не настолько хорош, как мне кажется, растрачивать силы на обнаружение за вами хвоста было бы глупо. А что, если за вами вообще нет никакого хвоста? И как долго придется его выявлять, чтобы вас убедить? Скажем, десять дней, по двенадцать часов в день, за сто долларов в час? Двенадцать штук плюс накладные расходы.

— Это не займет десяти дней. — Он поднял голову. — Уверен, что нет. И конечно не двенадцать часов в день. Мистер Гудвин, позвольте все объяснить. Полагаю, за мной следят лишь в определенное время. Или будут следить. В частности, как мне кажется, за мной будут следить, когда сегодня в семь вечера я выйду из дому и через парк отправлюсь по некоему адресу на Восемьдесят второй улице. Западная Восемьдесят вторая улица, дом сто пятьдесят шесть. Возможно, оптимальный вариант, чтобы к этому времени вы находились возле моего дома. Но решать, естественно, вам. Я не хочу, чтобы за мной увязался хвост до Восемьдесят второй улицы. Не хочу, чтобы установили, что я имею какое-то отношение к этому адресу. Если за мной не следят, то мы на этом же и закончим. И я обращаюсь к вам лишь тогда, когда вновь соберусь туда отправиться.

— А когда это будет?

— Не могу сказать ничего определенного. Возможно, в конце этой недели. Возможно, на следующей. Я извещу вас за день до того.

— А как вы туда поедете? На своей машине или на такси?

— На такси.

— Что для вас более важно: установить наличие слежки, избавиться от хвоста, если он есть, или выяснить личность того, кто за вами следит?

— Все одинаково важно.

— Что ж... — Я задумчиво пожевал губами. — Не скрою, задание несколько специфическое. Мы говорили о ста долларах в час. Но это стоимость рутинной работы. Ботинок должен быть впору. И примерку по вашей ноге будет осуществлять мистер Вулф.

— Ну как раз с этим проблем не будет, — улыбнулся Йегер. — Итак, жду вас около семи вечера. А может, чуть раньше.

— Возможно. — Я снова взял блокнот. — За вами будет следить кто-то, кого вы знаете?

— Не уверен. Но не исключено.

— Мужчина или женщина?

— Не могу точно сказать. Не знаю.

— Сыщик или любитель?

— Без понятия. Возможно, и то и другое.

— Засечь его будет просто. Но что дальше? Если это сыщик, вероятно, я его идентифицирую. Что не слишком поможет делу. Конечно, в любом случае я сумею его вычислить, однако мне вряд ли удастся выведать у него имя заказчика.

— Но вы ведь сможете его вычислить?

— Безусловно. Сколько вы готовы заплатить за имя заказчика? Это может вам дорого обойтись.

— Я не думаю... — Он замаялся. — Не думаю, что мне понадобится его имя.

Это не укладывалось в общую картину, но я решил не заострять внимания.

— Если за вами будет следить любитель, конечно, я легко его засеку. И что дальше? Вы хотите, чтобы он знал, что его вычислили?

Йегер на секунду задумался.

— Не уверен. Думаю, лучше не стоит.

— Тогда мне не удастся его сфотографировать. Смогу дать лишь его описание.

— Это меня вполне устроит.

— Хорошо. — Я положил блокнот на стол. — Вы живете на Шестьдесят восьмой улице. Но это ведь не многоквартирный дом?

— Нет, частный дом. Мой дом.

— Тогда мне не стоит туда входить или приближаться к нему. Если за вами следит профессионал, он наверняка меня узнает. Мы вот что сделаем. Ровно в семь вечера вы выйдете из дому, дойдете до Второй авеню и, не переходя через дорогу, свернете налево. В тридцати шагах от угла будет закусочная, а перед ней...

— Откуда вы знаете?

— Я знаю Манхэттен практически как свои пять пальцев. Перед закусочной прямо у тротуара или во втором ряду будет стоять синее с желтым такси с табличкой «Занято». У водителя широкое квадратное лицо и большие уши. Вы скажете ему: «Вам не мешает побриться», на что он ответит: «У меня слишком чувствительная кожа». На всякий случай проверьте его имя на карточке. Там должно значиться: «Альберт Голлер». — Я написал имя. — Не хотите записать для верности?

— Нет.

— Тогда постарайтесь не забыть. Дайте ему адрес на Западной Восемьдесят второй улице, откиньтесь на спинку сиденья и расслабьтесь. Больше вас ничего не должно волновать. Что бы ни предпринял водитель, он свое дело туго знает. Постарайтесь не оглядываться. Хотя для вас это будет чуть сложнее.

— Я гляжу, вы быстро подготовили мизансцену, — улыбнулся он.

— У меня не так много времени. — Я бросил взгляд на настенные часы и поднялся с места. — Сейчас уже почти пять вечера. Короче, я вас буду видеть, а вы меня нет.

— Отлично! — Йегер встал с кресла. — Измеряйте высоту вашего ума по величине отбрасываемой им тени. Уверен, я в вас не ошибся. — Он протянул мне руку. — Можете меня не провожать. Я найду дорогу.

Однако я двинулся за ним, что вошло у меня в привычку с тех пор, как один посетитель умышленно не захлопнул за собой дверь, незаметно пробрался в дом, спрятался за диваном в гостиной, а затем обшарил все незапертые ящики и шкафы в кабинете. Уже в дверях я спросил Йегера, как зовут таксиста, и получил правильный ответ. На обратном пути я отправился прямо на кухню, где взял с полки стакан, а из холодильника — пакет молока. Фриц, резавший за центральным столом лук-шалот, наградил меня укоризненным взглядом:

— Ты плюнул мне в душу. И горько об этом пожалеешь. Моя икра шэда с душистыми приправами — королевское блюдо.

— Согласен. Но я-то не король. — Я налил себе молока. — К тому же я скоро отправляюсь на задание и не знаю, когда вернусь.

— А? По личным делам?

— Нет. — Я сделал глоток. — Я не только отвечу на твой вопрос, а задам его за тебя. Поскольку у нас уже почти шесть недель не было ни одного стоящего клиента, ты хочешь знать, появился ли он сейчас. И кто ж тебя за это осудит! Отвечаю: вероятно, но не очевидно. Вроде бы какая-то мелочовка. Так, нам на арахис. — Я сделал глоток. — Ты способен изобрести блюдо для короля на основе арахисового масла?

— Арчи, в жизни нет ничего невозможного. Проблема только в том, чтобы расщепить масло. Никакого уксуса. Он все забьет. Быть может, сок лайма с парой капель лукового сока или без него. Завтра непременно попробую.

Я попросил его рассказать о результатах эксперимента, после чего, прихватив с собой стакан с молоком, ушел в кабинет, сел за письменный стол, набрал номер «Газетт», и меня соединили с Лоном Коэном. Лон заявил, что слишком занят и в данный момент его может заинтересовать лишь материал

для первой полосы или приглашение на покер. Я ответил, что не могу предложить ни того ни другого, но непременно учту его пожелания, а сейчас я готов подождать у телефона, пока Лон сходит в архив проверить, нет ли у них каких-нибудь данных о Томасе Г. Йегере, исполнительном вице-президенте «Континентал пластик продактс», место жительства: дом номер 340 по Восточной Шестьдесят восьмой улице. Лон ответил, что это имя ему знакомо, возможно, у него даже есть вся нужная информация и он обязательно мне перезвонит. Что Лон и сделал через десять минут. «Континентал пластик продактс» — очень крупная фирма, головной завод находится в Кливленде, а отдел продаж и штаб-квартира расположены в Эмпайр-стейт-билдинг. Томас Г. Йегер уже пять лет занимает должность исполнительного вице-президента и сейчас на коне. Йегер женат, у него есть дочь Энни, не замужем, и сын Томас Г. Йегер-младший, женат. Томас Г. Йегер-старший — член...

Я ответил Лону, что узнал все необходимое, и, поблагодарив, повесил трубку, затем позвонил в оранжерею по внутренней линии. И через какое-то время я услышал голос Вулфа, естественно крайне недовольный:

— Да?

— Простите, что помешал. Приходил человек по фамилии Йегер. Он хочет выяснить, есть ли за ним слежка и кто именно этим занимается. Он знает, что придется раскошелиться, но не возражает, поскольку лучше меня никого нет. Я навел о нем справки, он вполне платежеспособен, а я, быть может, тогда смогу получить зарплату за пару недель. Когда вы спуститесь вниз, меня уже не будет. Его фамилия и адрес в моем блокноте. Вернусь ближе к ночи.

— Ну а завтра? Сколько времени это займет?

— Думаю, недолго. В противном случае подрядим на это Сола или Фреда. Объясню позже. Просто рутинная работа.

— Отлично. — Вулф положил трубку, а я набрал номер и связался с Алом Голлером.

ГЛАВА 2

Два часа спустя, в 19:20, я сидел в такси, припаркованном на Шестьдесят седьмой улице между Второй и Третьей авеню, и, скособочившись, смотрел в заднее окно. Если Йегер вышел из дому ровно в 19:00, то в 19:04 он должен был сидеть в такси Ала Голлера, который к 19:06, по идее, успел повернуть за угол Шестьдесят седьмой улицы. Но сейчас, в 19:20, я так и не обнаружил никаких признаков такси.

Было совершенно бессмысленно гадать, в чем причина задержки, хотя именно этим я и занимался. К 19:30 у меня набралась целая коллекция предположений, от лежащих на поверхности до весьма причудливых. В 19:35 мне осточертело гадать на кофейной гуще. В 19:40 я сказал таксисту Майку Коллинсу, также своему старому знакомцу:

— Дурдом. Пойду погляжу.

Я вылез из автомобиля и направился в сторону перекрестка. Ал по-прежнему сидел за рулем такси напротив закусочной. Дождавшись зеленого сигнала светофора, я перешел через дорогу и спросил Ала:

— А он где?

— Единственное, что я точно знаю, — это где его нет, — зевнул Ал.

— Ладно, я ему сейчас позвоню. Если он появится, пока я буду звонить, ты уж постарайся подольше не заводить мотор. Чтобы я успел вернуться к Майку.

Ал кивнул и снова зевнул, а я вошел в закусочную, нашел телефон-автомат и набрал Чисхолм пять, три-два-три-два. После четырех длинных гудков я услышал мужской голос:

— Резиденция миссис Йегер.

— Могу я поговорить с мистером Йегером?

— В данный момент он не может подойти к телефону. А кто его спрашивает?

Я сразу повесил трубку, поскольку узнал голос сержанта Пэрли Стеббинса из уголовной полиции Западного Манхэт-

тена, которому в свое время объяснил, что, если кто-то подходит к телефону в доме Джона Доу¹, он говорит не «резиденция мистера Доу», а «резиденция миссис Доу».

Повесив трубку, я покинул закусную и велел Алу Голлеру оставаться на месте, после чего догулял до угла Шестидесят восьмой улицы и, свернув направо, увидел возле дома номер 340 припаркованный патрульный автомобиль, за рулем которого сидел детектив, постоянно возивший Стеббинса. Я вернулся в закусную к знакомому телефону-автомату, набрал номер «Газетт» и попросил соединить с Лоном Коэном. Мне хотелось спросить его, не доводилось ли ему слышать о совершенных недавно интересных убийствах, но не пришлось.

— Арчи? — слышался голос Лона.

— Все верно. Послушай, ты...

— Когда ты звонил мне три часа назад, откуда, черт возьми, ты мог знать, что Томаса Г. Йегера собираются убить?!

— Я не знал. Ничего не знаю. Я просто...

— Брехня! Но я оценил. Спасибо за статью на первую полосу. «НИРО ВУЛФ СНОВА УДЕЛЫВАЕТ КОПОВ». Вот послушай, что я уже написал: «Ниро Вулф, выдающийся частный детектив, погрузился в дело об убийстве Йегера за два часа до того, как его труп обнаружили в яме на Западной Восемьдесят второй улице. В семнадцать часов пять минут Арчи Гудвин, слуга мистера Вулфа, позвонил в редакцию „Газетт“, чтобы получить...»

— Накося выкуси! Всему миру известно, что я не слуга, а порученец, да и вообще, сама идея, чтобы Ниро Вулф во что-то там погрузился, — полный абсурд. А кроме того, я сейчас звоню тебе впервые за месяц. Если тебе кто-то звонил, сымитировав мой голос, то, скорее всего, это и был убийца. Будь ты чуть-чуть поумнее, то задержал бы его у телефона, чтобы отследить звонок, и тогда мог бы...

¹ В употреблении правоохранительных органов США под этим псевдонимом подразумевается неопознанное тело. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Ну ладно. Начнем сначала. Когда ты сможешь мне хоть что-нибудь дать?

— Когда будет что тебе дать. Уж кому-кому, а тебе грех на меня жаловаться. Разве нет? Сделай вид, будто я не знал никакого Йегера, пока ты мне о нем не рассказал. А где на Западной Восемьдесят второй улице выкопали яму?

— Между Колумбус-авеню и Амстердам-авеню.

— Ну и когда обнаружили труп?

— В десять минут восьмого. Пятнадцать минут назад. Под брезентом на дне траншеи, вырытой энергетиками «Кон Эдисон». Мальчишки залезли туда достать закатившийся мячик.

Выждав секунду, я сказал:

— Труп, должно быть, скинули туда после пяти вечера. В это время парни из «Кон Эдисон» обычно заканчивают работу, если нет аврала. А может, кто-нибудь, увидев, как в траншею закатился труп, накрыл его брезентом?

— Откуда мне знать? Мы услышали об этом всего полчаса назад.

— Ну а тело достоверно опознано?

— Абсолютно. Один из наших людей, которых мы туда послали, позвонил пять минут назад. Он опознал Йегера.

— С чего ты взял, что его убили?

— Это, конечно, не официальная информация, но у Йегера в виске дырка. Вряд ли он сам себе пальцем просверлил. Послушай, Арчи, его досье из архива уже лежало у меня на столе, когда к нам пришла срочная информация. Буквально через час все в редакции будут знать, что я посылал за этими материалами за два часа до убийства. Я не против напустить на себя таинственность, но в случае шумихи для меня это лишний геморрой. Итак, я заявлю, что посылал за досье по твоей просьбе, а кто-то другой, кто любит оказывать любезность, сообщит об этом кому-нибудь из убойного отдела. И что тогда?

— Тогда я, как всегда, стану сотрудничать с копами. Буду у тебя через двадцать минут.

— Прекрасно. Всегда рад тебя видеть.

Я вышел на улицу, сел к Алу в такси и велел ему повернуть за угол к Майку. Отъехав от тротуара, Ал заявил мне, что, согласно инструкции, он должен был взять пассажира, который скажет, что ему, Алу, не мешало бы побриться, и я ответил, что да, бритве ему явно не повредило бы. На Шестьдесят седьмой улице возле такси Майка свободного места не оказалось, поэтому мы остановились во втором ряду, и я вышел, оказавшись между двумя такси с опущенными передними стеклами.

— Все, концерт окончен, — сказал я таксистам. — В связи с обстоятельствами, которые мне не подвластны. Я не называл вам цену в силу ряда неизвестных факторов, таких, например, как продолжительность поездки, но, поскольку вам всего лишь пришлось сидеть и ждать, думаю, по двадцатке на брата будет в самый раз.

— Ага, — произнес Майк.

— Конечно, — ответил Ал. — А что случилось?

Вытащив бумажник, я достал оттуда шесть двадцаток:

— Итак, я утраиваю сумму. Ведь что-то, а вы точно не дураки. Я не назвал вам имя клиента, но описал его, и вы в курсе, что он должен был появиться с Шестьдесят восьмой улицы, чтобы ехать на Западную Восемьдесят вторую улицу. Поэтому когда вы узнаете из завтрашних газет, что тело некоего Томаса Г. Йегера, проживавшего в доме триста сорок по Восточной Шестьдесят восьмой улице, сегодня в девятнадцать десять было обнаружено в яме на Западной Восемьдесят второй улице с дыркой в голове, то наверняка удивитесь. А когда человек чему-то удивляется, ему хочется об этом поговорить. Здесь шестьдесят баксов на брата. За это я хочу иметь возможность удовлетворить свое любопытство, но так, чтобы копы не стали донимать меня расспросами, зачем нужно было организовывать всю эту мизансцену. Какого черта он решил не придерживаться нашей программы, а выбрал собственный маршрут?! Хочу добавить, он ни словом, ни намеком не показывал, что ему угрожает опасность. Он только хотел узнать, есть ли за ним хвост, и просил по возможности выяснить, кто

за ним следит. Как раз это я вам тогда и сообщил, причем все именно так и было. Лично я не имею ни малейшего понятия, кто его убил и почему. Теперь вы знаете то же, что и я. Но я бы хотел, чтобы, пока я немного не сориентируюсь, об этом больше никто не знал. Парни, мы с вами знакомы... сколько?

— Пять лет, — ответил Майк.

— Восемь, — уточнил Ал. — Интересно, откуда ты узнал, что он получил свое, если труп обнаружили всего час назад...

— Когда я позвонил ему домой, мне ответил сержант из убойного отдела Пэрли Стеббинс. Завернув за угол, я узнал водителя патрульного автомобиля, припаркованного возле дома номер триста сорок. А когда я позвонил знакомому репортеру, тот сообщил мне такие вот новости. Я ничего не утаиваю. Теперь вы знаете все. Вот ваши шестьдесят баксов.

Ал подцепил двумя пальцами двадцатку, вытащив ее из пачки.

— За потраченное время этого более чем достаточно, — сказал он. — А язык за зубами обещаю держать по-любому. По личным соображениям. И с превеликим удовольствием. Теперь, завидев копа, я буду про себя говорить: «А вот я знаю что-то такое, чего ты, ублюдок, не знаешь».

Майк с ухмылкой взял три двадцатки:

— А по мне, так денежки лишними не бывают. Но теперь при всем желании молоть языком я точно не смогу. Тем более с копами. Ведь тогда придется вернуть тебе сорок баксов. Я человек простой и, может, не такой благородный, но честный. — Положив деньги в карман, он протянул мне здоровенную лапу. — А для верности давай-ка ударим по рукам.

Мы обменялись рукопожатием, после чего я сел к Алу в такси и велел ему везти меня к зданию редакции «Газетт».

Если Лон Коэн и занимал какую-нибудь высокую должность, лично мне это было неизвестно. Хотя, скорее всего, никакой особой должности у него не имелось. На дверях комнатки, расположенной на двадцатом этаже через две комнаты от углового кабинета главного редактора, значилась лишь фамилия Коэн. Казалось, при этом Лон должен был находиться

на периферии вихрей газетных новостей, но он всегда держал руку на пульсе, будучи в курсе не только того, что недавно произошло, но и грядущих событий. Мы многие годы, не подбывая бабок, мирно существовали с ним по принципу «Ты мне, я тебе», причем никто ни у кого не оставался в долгу.

Лон относился к тому типу мужчин, которых принято называть чернявыми: темная кожа, туго обтягивающая аккуратное маленькое лицо, темно-карие, глубоко посаженные глаза, черные волосы, залезшие назад на продолговатом черепе. А еще Лон был чуть ли не лучшим игроком в покер, с которым мне приходилось коротать ночь за карточным столом. Лучшим считался Сол Пензер, но с ним вам еще предстоит познакомиться. Когда в тот роковой вечер понедельника я вошел в каморку Лона, он разговаривал по телефону. Я сел на стул возле письменного стола и стал слушать. Разговор продолжался несколько минут, и за это время Лон девять раз произнес «нет». Когда он положил трубку, я заметил:

— Что-что, а поддакивать ты умеешь.

— Мне нужно сделать срочный звонок. — Лон вручил мне картонную папку. — На, развлекайся.

Это было досье на Томаса Г. Йегера. Не слишком пухлое: дюжина газетных вырезок, четыре напечатанные на пишущей машинке докладные записки, вырезка статьи из профессионального журнала «Пластикс тудей» и три фотографии. Две фотографии были сделаны в фотостудии, внизу стояла фамилия Йегер, а на одной было запечатлено мероприятие в большом зале отеля «Черчилль», подпись под снимком гласила: «Томас Г. Йегер произносит речь на банкете Национальной ассоциации производителей пластмасс, отель „Черчилль“, Нью-Йорк, 19 октября 1958 года». Йегер стоял на сцене у микрофона, рука поднята в приветственном жесте. Я прочел докладные записки, пролистал вырезки из газет и уже перешел к статье из журнала, но тут Лон закончил телефонный разговор и повернулся ко мне:

— Ну ладно, хорошенького понемножку. Отдавай.

Закрыв папку, я положил ее на стол:

— Я пришел заключить сделку, но сперва ты должен кое-что уяснить. Я никогда не видел Томаса Г. Йегера, никогда не разговаривал с ним, не вступал ни в какие контакты, так же как и мистер Вулф. И вообще, я ничего о нем не знаю, за исключением того, что ты сообщил мне по телефону или я прочел сейчас в этом досье.

— Хорошо. А теперь не для протокола. Сугубо между нами.

— То же самое. Хочешь верь, хочешь нет. Но я услышал о нем кое-что любопытное, после чего и позвонил тебе в пять вечера. Я хочу до поры до времени попридержать эту информацию хотя бы на двадцать четыре часа, а может, и дольше. Думаю, у меня не будет ни минуты свободной, и я отнюдь не горю желанием провести завтрашний день в офисе окружного прокурора. Поэтому людям совершенно не обязательно знать о том, что сегодня я наводил у тебя справки о Йегере.

— Не обязательно, но желательно. По крайней мере для меня. Ведь я посылал за досье. Если я скажу, типа мне привиделось, будто что-то должно случиться, могут пойти разговоры.

— Да ладно тебе! — ухмыльнулся я. — У тебя, что ли, совсем яиц нет? Неужели так трудно навешать им лапши на уши? Например, сказать, что информатор сообщил кое-что интересное, но ты не хочешь нарушать условия конфиденциальности? Кроме того, я предлагаю тебе сделку. Ты забываешь о моем интересе к Йегеру до дальнейшего уведомления. Я внесу тебя в список для поздравления с Рождеством. В этом году это будет абстрактная красочная картина с текстом следующего содержания: «Мы хотим подарить тебе картину с изображением того, как купаем свою собаку. С наилучшими пожеланиями от Арчи, Мехитабель и детишек»¹.

— У тебя нет никакой Мехитабель и тем более никаких детишек.

¹ Имеются в виду комические персонажи американского юмориста, журналиста и писателя Дона Маркиза: таракан Арчи и его подруга бездомная кошка Мехитабель.

— Естественно. Вот потому-то картина и будет абстрактной.

Лон окинул меня внимательным взглядом:

— Ты можешь дать хоть что-нибудь не для цитирования. Или что-то такое, что я мог бы придержать до твоей отмашки.

— Нет. Не сейчас. В случае чего я хорошо знаю номер твоего телефона.

— Ты в своем репертуаре! — Лон развел руками. — Ладно, у меня дел невпроворот. Будет настроение, заглядывай.

У него на столе зазвонил телефон, Лон отвернулся, и я вышел из комнаты.

По дороге к лифту я обдумал сложившуюся ситуацию. Я сказал Вулфу, что вернусь ближе к отходу ко сну. Но сейчас было всего лишь девять часов. А я здорово проголодался. Конечно, можно было бы где-нибудь перекусить и во время еды разработать план действий, но я чертовски хорошо знал, что именно собирался делать, а это могло занять всю ночь. Кроме того, на задании мне следовало действовать, исходя из своего опыта и здравого смысла, а при возникновении осложнений — звонить Вулфу. Но сейчас телефон не годился, и не только потому, что Вулф ненавидел что-либо обсуждать по телефону, но и потому, что нужно было преподнести ситуацию в правильном свете, а иначе Вулф откажется играть в мои игры. В результате я поймал такси и дал водителю адрес старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице.

Я вышел из такси и, преодолев семь ступенек крыльца, нажал на кнопку звонка. Конечно, у меня был свой ключ, но в мое отсутствие Фриц обычно запирает дверь на цепочку. Фриц впустил меня внутрь, но держался индифферентно, однако в его глазах я прочел неприкрытый вопрос — тот же самый вопрос, который он не решился задать сегодня днем: появился ли у нас наконец клиент? Я сказал, что это по-прежнему не лишено вероятности, но сейчас у меня живот подвело от голода и я хотел бы получить кусок хлеба и стакан молока.

Фриц ответил, что да, конечно, он сию же минуту сделает все в лучшем виде, и я прошел в кабинет.

Вулф сидел за своим письменным столом, откинувшись на спинку кресла — пожалуй, единственного в мире кресла, в котором он мог сидеть, не скривившись. Кресло было изготовлено под его руководством по особому заказу. В комнате горел лишь настенный светильник над левым плечом Вулфа, и при таком угле преломления света он выглядел даже более корпулентным, чем на самом деле, напоминая гору в лучах восходящего солнца. Я вошел и включил общий свет, вернув Вулфу привычные размеры.

— Хм... — произнес он и, дождавшись, когда я сяду за стол, спросил: — А ты успел поесть?

— Нет. Но Фриц сейчас что-нибудь принесет.

— Принесет? — удивленно и даже чуть-чуть раздраженно переспросил Вулф.

Как правило, если я, задержавшись на задании, пропускаю очередную трапезу, то сразу же отправляюсь на кухню перекусить, за исключением тех случаев, когда мне нужно доложить о чем-то не терпящем отлагательств. Но когда Вулф настроен уютно скоротать вечер за книгой, ему меньше всего хочется выслушивать чьи-то доклады.

— Я хочу снять камень с души.

Вулф поджал губы, но продолжал держать в обеих руках открытую книгу, довольно толстую. Заложив нужную страницу пальцем, Вулф тяжело вздохнул:

— Ну что там у тебя еще?

Я решил, что не стоит ходить вокруг да около. Когда имеешь дело с Вулфом, приходится действовать сообразно обстановке.

— Листок бумаги, который я положил вам на стол. Банковский баланс после выписанных чеков. В июне, а точнее, через тридцать семь дней уплата налогов. Конечно, мы можем внести изменения в декларацию, если нам не подвернется клиент с серьезной проблемой и соответствующим авансом.

Вулф сердито уставился на меня:

— Опять ты завел свою волюнку!

— Ничего я не заводил. Да и вообще уже целых три дня как воды в рот набрал. А сейчас я поднял этот вопрос, так как хочу получить разрешение попробовать нарыть нам клиента, а не ждать милостей от природы. У меня от сидения уже мозоли на заднице образовались.

— Ну и какой у тебя план действий? Надеть на себя рекламный щит?

— Нет, сэр. У меня есть потенциальная цель. Чисто потенциальная. Я насчет того человека, который хотел нанять меня, чтобы я установил, кто за ним следит. Томаса Г. Йегера. Я договорился с двумя таксистами и велел им быть наготове к семи вечера. Один должен был забрать Йегера, второй — меня, чтобы ехать следом. Однако Йегер так и не появился. Мне надоело ждать, и я позвонил ему домой. К телефону подошел сержант Стеббинс. Тогда я завернул за угол и увидел напротив дома Йегера патрульный автомобиль с водителем Пэрли Стеббинса за рулем. Я позвонил Лону Коэну, и Лон поинтересовался, с чего это вдруг я решил навести справки о Томасе Йегере за два часа до того, как его тело было обнаружено в яме на Западной Восемьдесят второй улице. С дыркой в голове. Итак, наш клиент ушел в мир иной, но сдается мне, его уход, возможно, позволит нам получить другого клиента. Он был большой шишкой в своей сфере деятельности, на высокой должности, с хорошим домом в хорошем районе, и, вероятно, никто, кроме меня, не знал о его подозрениях, что за ним следят или собираются следить. Адрес, за которым, по его мнению, могла быть установлена слежка, такой: Западная Восемьдесят вторая улица, дом сто пятьдесят шесть. Именно в том квартале и обнаружили тело. Поэтому я потратил немного ваших денег. Я заплатил обоим таксистам не только за потраченное время, но и накинул сорок баксов сверху за то, чтобы они забыли о том, где были сегодня вечером. Точнее, дополнительные сорок баксов я дал Майку Коллинсу. Ал Голлер все забыл по сугубо личным мотивам.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛИШКОМ МНОГО КЛИЕНТОВ <i>Перевод О. Александровой</i>	5
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫВОД <i>Перевод К. Королева</i>	193
УБИЙСТВО ТРОИХ	
Раз, два, три, убийцей будешь ты. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	367
Смерть демона. <i>Перевод Н. Вуля</i>	440
Роковые деньги. <i>Перевод А. Санина</i>	527